Салават Шарипов

Здание 585

Салават Шарипов

Здание 585

«Автор»
2026

Шарипов С.

Здание 585 / С. Шарипов — «Автор», 2026

Я написал эту книгу о том, что остаётся с человеком, когда уходят эпохи, меняются города и стираются социальные роли. От солнечного детства в Ташкенте до суровых будней грузчика на уральском заводе — мой путь научил меня главному: за любым «серым каркасом» скрывается живая душа. В этих главах — судьбы простых и «неудобных» людей, тихий поединок с отчаянием на пыльном подоконнике и история одного давнего обещания, данного на берегу южного моря девочке с перламутровым жемчугом в ладонях. Это честная, светлая проза о принятии, памяти и о том, как мало человеку нужно, чтобы оставаться живым.

© Шарипов С., 2026
© Автор, 2026

Салават Шарипов
Здание 585

Глава 1. Маленький путь с большим грузом

Раннее утро. Пятиэтажный дом в десять подъездов, разломленный ровно посередине — между пятым и шестым — прохладной тенью высокой арки. Второй подъезд, пятый этаж, дверь направо.

Проснувшись, я помню сон: как маленькая девочка со светлыми кудрявыми по плечи волосами, с загадочным сверкающим взглядом, одетая в белую рубашку по самые колени, протягивает мне руку и говорит: «Полей розы».

Встаю с кровати и привычно выполняю утренние процедуры. Натягиваю белую футболку, серые шорты и чёрные носки. На кухне наливаю в светло-жёлтую кастрюлю около пяти литров воды — она легко отдаёт в нос знакомым запахом хлорки. С трудом дотащив полную, колеблющуюся массу до порога и стараясь не пролить ни капли, я обуваюсь в новые сандалии.

Выхожу на лестничную клетку и начинаю медленный спуск. Мой взгляд почти сразу утыкается в потолок подъезда. Там, высоко над головой, прилепились два аккуратных домика — справа и слева. Гнёзда ласточек. Птицы влетали сюда через открытое верхнее прямоугольное окно. Подъездный потолок был настолько высоким, что ни один взрослый во всём подъезде не мог дотянуться до этой рамы, чтобы закрыть её. Сами гнёзда казались чудом инженерной мысли — они были аккуратно слеплены из крошечных кусочков подсохшей коричневой глины.

Удивительные создания эти птицы. В народе говорят: когда ласточка летает высоко — это к хорошей, ясной и сухой погоде, а если низко — жди дождя, грозы или похолодания. В наших краях они почти всегда кружили в недосягаемой вышине. Их было так много, что можно было часами наблюдать, как они стремительно разлетаются в разные стороны, прорезая небо, а по вечерам плотным рядком усаживаются на высоковольтные провода. «Удивительные птицы», — думал я, осторожно ступая на ступени четвёртого этажа. Здесь со своей сестрой Евгенией жил Андрей, мой друг детства. У него был такой заразительный, взрывной смех, что мне всегда хотелось его рассмешить — от этого становилось безудержно весело нам обоим. Андрею тоже нравились ласточки.

Иногда мы подбирали выпавших из гнезда птенцов и просили взрослых вернуть их обратно под крышу. В наших глазах это было самым благородным делом на свете. Иногда мы сидели во дворе и просто караулили их взглядом. Почему другие люди не замечают, что ласточки никогда не ходят по земле на лапках, как это делают суетливые воробьи, важные голуби или серые вороны? «Может, они ленивые или у них слишком короткие ноги?» — гадали мы с Андреем. А может, им просто слишком сильно нравится летать. «Интересно, а куда они улетают зимой? — думал я, спускаясь всё ниже. — Скорее всего, в далёкую Африку».

Оказавшись на первом этаже, я толкнул тяжёлую дверь и вышел во двор. В руках у меня была пятилитровая кастрюля с водой, плотно накрытая крышкой. Утренняя прохлада мгновенно отозвалась мурашками по коже. Какой же здесь был свежий, густой, насыщенный ночной влагой воздух! Невероятно приятное чувство перед грядущим, удушливым зноем. Для детского тела даже прохладный дискомфорт может быть в радость — оно само знает, как ловить моменты наслаждения, достаточно просто позволить этому происходить.

У подъезда стоял я — шестилетний мальчик с зелёными глазами, в которых под каштановыми, давно не стриженными волосами сверкала искренняя хитрость. Худощавый, с коленями, густо измазанными зелёнкой после недавнего падения на асфальт, и с очень задумчивым, не по-детски серьёзным взглядом. На шее, покачиваясь в такт шагам, висел ключ на простой верёвке. Мой путь лежал от дома к детскому саду.

В моём детстве родители уходили на работу очень рано. Разбудив меня перед своим уходом, они оставляли меня одного: я собирался и выходил на улицу самостоятельно. Детский сад находился всего в пяти домах ходьбы, но мой личный путь никогда не измерялся обычным расстоянием, количеством шагов или сухой нумерацией зданий. В нём жили совсем другие маркеры. Это был просто обычный, наполненный деталями детский путь. Сегодня я мог идти по одной дороге, а завтра — по другой.

Иногда по дороге я встречал плачущих детей. Наверное, они по каким-то своим важным причинам отчаянно не хотели идти в группу. «И почему для взрослых плачущий ребёнок — это всегда такая огромная проблема?» — размышлял я. Ведь всё решается очень просто: достаточно сменить направление движения. Поменять сам путь, выбрать другую, незнакомую дорожку к садику — и слёзы высохнут. Всё дело в том, что дети просто не успевают за взрослыми. Маленькому человеку нужно сначала всё рассмотреть, потрогать руками, прочувствовать. У ребёнка впереди огромный, бесконечно длинный день, а взрослые... взрослые всегда куда-то спешат. У взрослых, как всегда, всё делается в спешке.

Мой дом находился на самой окраине Ташкента, в районе под названием Кара-Камыш, что в переводе означало «Чёрный камыш». Я упорно нёс кастрюлю с водой по направлению к саду. Встречные прохожие с удивлением притормаживали и спрашивали: — Мальчик, куда это ты идёшь с кастрюлей? — В детский садик, — серьёзно отвечал я. — А что в ней? — Вода. — А зачем ты несёшь воду в детский садик? — Розы очень хотят пить, — объяснял я взрослую, понятную мне одному истину.

Но стоило мне дойти лишь до пятого подъезда, как руки неожиданно затекли. От страшной усталости кастрюля начала крениться, крышка съехала, и вода выплеснулась наружу. Она мгновенно промочила шорты и футболку, залила новые сандалии. Чёрные носки тут же смешались с поднятой с земли пылью и песком.

И дальше в сторону детского сада я шёл уже медленно, делая небольшие остановки, но крепко сжимая ручки своей светло-жёлтой кастрюли. Мой путь лежал среди небольших уличных дворов пятиэтажных домов. Проходя мимо них, я смотрел на небольшие сточные канавы — мы их называли арыками. В них водились головастики, маленькие чёрные существа с хвостиком. «Хм, подросли, — подумал я, — скоро тут будут квакать лягушки».

За домом под номером 10 росли несколько деревьев, на них виднелись зелёные грецкие орехи. Поставив кастрюлю, я нашёл рядом небольшую палку, взял её и бросил на дерево — сбил несколько плодов. Взяв один орех, я с трудом снял зелёную кожуру, и мои руки и футболка тут же покрылись пятнами цвета йода. «Не поспели», — подумал я. Но ничего страшного, через некоторое время я ещё сюда вернусь.

Пройдя дальше, я обратил внимание, что в чьём-то огороде у подъезда растут помидоры. «Спелые», — подумал я. Во дворах в месте, где я жил, каждый участок земли у подъезда использовался для выращивания растений. В основном ими владели собственники первых этажей. Они бережно ухаживали за своими растениями, поливали их ранним утром и вечером, когда солнце не такое жаркое. Недолго думая, я перемахнул через забор и сорвал помидор. Это был самый вкусный и красный помидор — я уже отлично отличал, какого сорта плоды вкуснее для меня.

Проделав больше половины пути, на расстоянии взгляда я увидел свой детский садик. А перед ним стоял дом, на торце которого росла ежевика. Ежевика, когда спеет, сначала бывает зелёной, потом красной, красно-чёрной, а когда становится совсем чёрной — значит, поспела. Когда же наступает время, она становится сухой и несъедобной. Как же это интересно — знать период, когда спеет ежевика, ведь именно тогда она становится вкусной! Остановившись у кустов и немного поцарапав о шипы ежевики руки, я попробовал несколько ягод, снова испачкав свою уже далеко не белую футболку.

Рядом с ежевикой был припаркован автомобиль «Москвич» белого цвета. Во дворе в основном стояли машины белых и светлых тонов. Такая окраска носила практический характер — и вовсе не из-за того, что водителям не нравились чёрные или тёмные цвета. Просто светлые машины меньше нагревались при температуре свыше 35 градусов. Видимо, взрослые этого не знали, но для ребёнка цвет машины и то, горячая она или нет, было простой истиной.

Подойдя к машине, я аккуратно открутил колпачок колеса, нашёл рядом полуобгоревшую спичку и принялся спускать переднее левое колесо. Зачем это делают дети? Почему они так пакостят? Да ведь ответ совершенно простой: потому что им нравится звук спускающегося колеса и чувство запаха резины, сжатого воздуха, попадающего на лицо. Детям просто нравится познавать всё новое, и больше нет никаких причин.

Спустив наполовину колесо, я взял кастрюлю и двинулся дальше. И вот он — мой детский сад, обнесённый вокруг метровым белым забором. Забор был шириной с мою ладонь, изготовлен из цемента и песка. Если встать на него, можно было обойти по нему небольшой участок по периметру, с главной целью — не упасть.

Открыв калитку, я вошёл в детский сад. В руках — кастрюля, а в ней — чуть меньше половины воды. Детский садик... Мало кто из взрослых помнит время, проведённое в детском саду. Мой детский сад был двухэтажным.

Моя группа располагалась на втором этаже, само здание детского сада было окрашено в жёлтый цвет, некоторые элементы и стены — в голубой. Если посмотреть на детский сад с высоты птичьего полёта, он напомнит продолговатую, вытянутую букву «П». У каждой группы была своя веранда и участок с песочницей, несколькими лавочками. Внутри веранды тоже были лавочки и один большой стол, вокруг участка росли кусты.

В самой группе стояли столы, каждый на четверых детей. Группу посещало около двадцати человек: группы дошкольников были очень большими. Окна в группу всегда были открыты, особенно утром, а днём они закрывались белыми занавесками, сохраняя прохладу на несколько часов. На подоконниках в горшках стояло много разных цветов. Стояли шкафчики с игрушками, было большое спальное место с панцирными кроватями. Спальное место было устроено так, что там было в основном прохладно, минуя цикл жаркого солнца.

В группе нас учили писать, читать, разукрашивать картинки. Также в группе было два свободных угла, где я очень часто стоял и даже не думал о своём поведении. Стоял в углу, ковырял стену, смотрел, как она крошится, рассматривал капли от краски в углу. В садике у меня не было друзей, и в группе не было ребят из моего двора. Мне не нравились занятия, было чувство, что группа — это место, где временно держат детей, пока родителям нужно работать. Не чувствовалось искреннего участия со стороны воспитателя — было лишь холодное равнодушие и ощущение, что ты здесь никому не нужен.

Режим в садике был строгим: сначала утром проходила зарядка, потом прогулка, завтрак, занятия, обед, обеденный сон, снова занятия, а потом забирала мама. Почти каждый день был однообразным, словно жизнь по инструкции, но ведь самое интересное происходило на улице во время дневного сна. Как же уходило время впустую, думал я, ведь ещё не всё исследовано во дворе. В группе я почти ни с кем не играл, мне не нравились игры. Мало кто летал в космос, а я просто наблюдал, как все играют, и очень редко включался в игру, особенно включался, когда можно было быть пиратом и отправиться в далёкое путешествие. Девочки сначала могли протянуть игрушку, а потом тут же забрать, или протянуть яблоко, забрать обратно и съесть его. Кто-то ещё плохо разговаривал: «АйДаВы» могло означать «дай воды». Мальчики иногда могли сказать «да», а подразумевать «нет», а кто-то мог сказать: «Если ты со мной будешь играть, я тебе дам игрушку».

Почему в садике заставляют кушать? «Чтобы всё съел, ешь до конца, чтобы тарелка блестела». Но ведь если ребёнок не хочет есть, значит, он не голодный. Странные порой воспитатели люди.

Самым лучшим временем в детском саду была прогулка. Рядом с верандой, за небольшим забором, росли розы. Во время прогулки можно было сделать вулкан из песка, спрятаться в кустах и наблюдать за тлёй и муравьями. В моём жарком климате прогулка начиналась с утра, потом всё живое резко сокращалось. Утром на улице была зарядка: мы даже могли пробегать двадцать метров на время, прыгать на скакалке и делать гимнастические упражнения. А после зарядки мы гуляли на участке. Ближе к 9:30 у нас начинался завтрак, а ближе к 10:00 на улице солнце давало о себе знать.

Зайдя в детский садик, я направился к веранде, где был небольшой забор, где росли розы. В это утреннее время воспитатели и дети были рядом со зданием на утренней зарядке. Подойдя к забору, я открыл калитку, где росли розы. Это были необычные розы, они были чёрного цвета, высотой примерно в один метр, с плотными бутонами. Росло пять кустов, примерно по 3–5 роз в каждом.

Эти розы чернели от жары. Я взял кастрюлю, в которой оставалось немного воды, и полил несколько кустов. Через несколько минут на моих глазах происходило детское чудо: розы вытянулись и стали наливаться багровым цветом, словно сделав первый вздох, что-то оживало в них. Ещё через несколько минут они стали настолько багровыми, что сменили свой чёрный цвет. «Ожили», — подумал я. И тут же от роз начал исходить запах. Я стоял рядом и наслаждался им, а время ненадолго остановилось. Каждая роза пахнет по-своему. Запах цветов — словно благодарность в ответ. Запах был настолько насыщенным и приятным, что заставил меня улыбнуться, появилось чувство, что мой проделанный путь с кастрюлей был не напрасен.

Приятно улыбаться в ответ, когда тебе дарят радость. — Что ты тут делаешь? — услышал я эти слова у себя за спиной. Это были слова воспитателя. Я обернулся и увидел за своей спиной Дильнозу Бахадыровну и детей. — Здравствуйте, Дильноза Бахадыровна, я поливал розы. — Тебе никто не разрешал их поливать, — ответила воспитательница. — Розы поливают только воспитатели и дети, у кого хорошее поведение.

Мне было стыдно поливать розы, хорошим поведением я не отличался. Всю прогулку я просидел на лавочке в стороне, наблюдая, как жук проделывает дорогу на песке. Я был наказан, но так и не понял за что.

Детский сад — это первое место, где тебя учат жить по строгому регламенту, вписывая в общие правила и социальные рамки. Некоторым детям трудно принять эти границы, и тогда рождается внутренний бунт. Снаружи, для взрослых, он выглядит как обычное «плохое поведение». Так незаметно шло время, и наступил мой выпускной — переход из детского сада в школьную жизнь.

Глава 2. У фонтана

Школа... Моя школа располагалась в противоположной стороне от детского сада, её номер был 15. Перед тем как начать посещать школу и пойти в первый класс, дошкольникам нужно было пройти тест на скорость чтения, знание стихов и память. В шесть лет я уже довольно хорошо умел читать по слогам, знал несколько стихотворений, и эти тесты не стали для меня проблемой. Прибыв в школу для прохождения испытаний, я открыл книгу и быстро прочитал небольшой абзац, затем рассказал стих и легко прошёл проверку памяти. Комиссия вынесла вердикт: «Пройден».

Но со временем у меня возник вопрос: зачем читать так быстро? Ведь когда торопишься, не успеваешь понять сути текста. Чтобы по-настоящему вникнуть в смысл, мне нужно было читать в два раза медленнее — быстрое чтение просто не оставляло времени подумать. «Хм, какой бесполезный тест», — думал я.

И вот наступило первое сентября: цветы, букеты, торжественная линейка, мой первый учитель и наш 1 «В» класс. В нём было около тридцати человек разных национальностей: русские, узбеки, таджики, украинцы, казахи, корейцы — настоящий многонациональный класс. В районе была ещё одна школа, где преподавание велось исключительно на узбекском языке.

Однако многие родители узбекской национальности старались определить детей именно в русскоязычную школу, так как это очень сильно влияло на качество их будущего образования.

Обязательными языками в нашей программе были русский, узбекский и иностранный (в основном немецкий). В начальных классах я вообще не понимал сути слова «национальность». Мы были просто детьми, для нас не существовало различий. Было совершенно неважно, какого цвета у тебя кожа, какой разрез глаз или с каким акцентом ты говоришь. Мы замечали лишь то, какого цвета у соседа пенал, какая у него необычная ручка и умеешь ли ты на перемене весело играть в догонялки.

На самом первом уроке нас рассадили по принципу «мальчик с девочкой». Моё место оказалось в третьем ряду, за третьей партой. Но со временем твоё место в классе меняется. После окончания начальной школы я сидел уже в первом ряду, на предпоследней парте. Вообще, если детей не рассаживать принудительно, а дать им возможность свободного волеизъявления, можно увидеть и легко определить их характеры и склонности. В моё время на первых партах рассаживали отличников, вторые и третьи ряды занимали те, кто учился на оценку «хорошо», четвёртые и пятые — «хорошисты» послабее и троечники, а последние парты прочно закрепились за двоечниками. В начальных классах я учился очень хорошо, как, в принципе, и большинство ребят.

После первого дня обучения наступило время обеда. Утром родители дали мне 20 копеек, чтобы я мог купить себе булочку и компот. Но до столовой я так и не дошёл. Изучая школу в обеденный перерыв, я оказался на втором этаже возле библиотеки. На дверях висело объявление, что в 14:00 состоится просмотр фильма. Я зашёл внутрь. Из взрослых там была только одна женщина. Я протянул ей свои 20 копеек, она улыбнулась, дала мне 5 копеек сдачи и провела в зал. Я оказался там совершенно один. Сел на первый ряд, и она включила кино. Это был мой первый фильм в небольшом школьном кинотеатре — американская история о дружбе робота (под номером 5) и мальчика под названием «Короткое замыкание». Этот фильм оставил во мне очень яркие впечатления, это история, которая учит ценить жизнь.

По пути домой я внимательно изучал маршрут. Дорога шла мимо кладбища, которое находилось справа. Если идти прямо, можно было дойти до раскидистого тутовника. Какие же вкусные и разноцветные плоды росли на этом дереве! Осы тоже обожали тутовник. Далее мой путь пролегал вдоль забора кладбища до стоянки автомобилей, которая тоже была обнесена оградой. У самого забора, в густых кустах, водились змеи. Сначала они казались страшными, но потом ты начинаешь понимать, за какое место их можно безопасно взять, какие из них ядовитые, а какие нет. Когда змеи шипели, им самим становилось страшно, но детское любопытство заставляло нас уверенно хватать их за хвосты.

Позже, став взрослым, я осознал одну простую вещь: всё, чего мы так боимся в жизни, зачастую боится нас не меньше.

Наш класс был очень дружным, с начальной школы мы активно участвовали в жизни учебного заведения. По окончании начальных классов моя успеваемость немного скатилась до «удовлетворительно». Сказалось то, что по вечерам я начал посещать секцию тхэквондо — времени на домашние задания катастрофически не хватало, да и, честно сказать, особого желания учиться не было. К седьмому классу мы с ребятами стали просто не разлей вода: вместе учились, познавали мир. Моими любимыми предметами стали география, химия, биология и, конечно, физическая культура. Мы дружно выполняли план по сбору макулатуры и уборке территории. За нашим классом как раз был закреплён участок у входа на кладбище.

В один из годов меня принимали в пионеры. Красный галстук на торжественной линейке мне повязала Ким Оля — отличница, всегда спокойная, опрятная девочка с очень добрыми глазами. А на следующий год пионеров не стало.

Взрослые вокруг растерянно пытались понять, как жить дальше, а мы, дети, приняли это с поразительной лёгкостью — ведь в нашем возрасте ещё не умеешь держаться за прошлое

и знаешь главный секрет: даже если исчезает целая эпоха, солнце всё так же греет, а жизнь никуда не уходит.

В тот год в сентябре, в самом начале учебного периода, мы с классом как раз убирали эту территорию у входа на кладбище. Стояла привычная для этого времени жаркая погода — около 30 градусов. Солнце было не такое знойное и палящее, поэтому погода казалась комфортной. Вечера становились прохладными — около 25 градусов, а ночью температура опускалась до 20. В тот день ни у кого из нас не было с собой воды, и нам очень хотелось пить. Вода в моём детстве вообще была особой ценностью.

Наверное, только в те годы, когда её нельзя было купить на каждом шагу в красивой пластиковой бутылке, ты по-настоящему понимал, что это не просто напиток, а сама жизнь — прозрачная, прохладная и ничем не заменимая.

За забором, прямо посреди кладбища, стояло бело-голубое здание, отделанное мелкой мозаикой. Это была мечеть. От входа к ней вела дорожка из белого мрамора. Мы толком не знали, для чего нужно это здание, а классный руководитель строго-настрого запрещала нам пересекать границу кладбища и заходить туда. Вокруг виднелись небольшие полукруглые надгробные плиты без каких-либо фотографий, а на некоторых могилах и вовсе просто лежали большие камни — кладбище было старым. Иногда оттуда выходили люди с озадаченными и серьёзными лицами. Для меня это казалось странным и непонятным. «Возможно, это горечь утраты близких», — думал я тогда. Кто-то из ребят обронил, что там верят в Бога. «Как это?» — подумал я. Никто из мальчишек не знал ответа, да и для нас в тот момент это было совсем не важно. Главным оставалось одно — утолить жажду.

По каким-то внутренним причинам мне отчаянно захотелось зайти в мечеть в поисках воды. Было странное ощущение: предчувствие, что она там точно есть, или, может, сама вода как-то чувствовала меня и притягивала. — Ребят, давайте зайдём в здание, там может быть вода! — громко крикнул я. Но все как один отказались от этой идеи — видимо, испугавшись чего-то. И тут жажда взяла своё. Я сделал первый шаг. Первый шаг всегда самый сложный.

Я пошёл по мраморной дорожке к зданию. Оглянулся — ребята удивлённо смотрели мне вслед. Войдя внутрь мечети, я замер от её необычной красоты. Вокруг висели таблички с надписями на арабском языке, на стенах и полу лежали узорчатые ковры, а на полках за стеклом покоились закрытые книги. Прямо посередине располагался фонтан с прохладной, чистой водой.

Испив воды и утолив жажду, я принялся рассматривать красиво сложенную мозаику стен. Из соседнего зала доносились голоса: там на коленях сидели взрослые и что-то монотонно бормотали. Позже я узнал, что это называется молитвой. Напившись ещё раз, я обернулся. Позади меня стоял высокий мужчина и смотрел на меня сверху вниз. Он был одет в халат, а на голове красовалась повязанная материя с элементами золотого шитья. Мужчина разглядывал меня спокойным, пронзительным взглядом — словно знал обо мне что-то наперёд. — Что ты здесь делаешь? — спросил он. — Зашёл попить воды, — ответил я. Он наклонился ко мне чуть ближе и тихо произнёс: — Какой чистый взгляд у тебя... Тебя ждут перемены. Затем развернулся и ушёл.

Я вышел из мечети, и меня снова обдало уличным зноем. Подойдя ближе к ограде, я прокричал ребятам: «Сюда, здесь вода! Нечего бояться!» Мальчишки тут же побросали уборочный инвентарь и ринулись к фонтану. Так мы узнали, где скрывается ещё один источник воды.

Вода — это память о том, как мало человеку нужно, чтобы быть живым.

Шли дни. В школе постепенно начали меняться учителя. Наша Светлана Валентиновна больше не приходила на уроки. В один из дней её просто не стало среди школьного персонала. Мы никак не могли понять, куда она делась, ведь она даже не попрощалась с нами. Собравшись всем классом после обеда, мы пошли к ней домой. Поднялись на нужный этаж, постучали, но соседи лишь сказали, что она спешно уехала куда-то очень далеко.

В классе всё побежало своим чередом. Моя любимая школа, мои верные и такие разные одноклассники... Несмотря на любые трудности и разногласия, мы оставались единой школьной семьёй.

Это уже значительно позже, повзрослев, я узнал, что национальность способна разделять людей на «своих» и «чужих». Вера в Бога может разделять целые народы на разные религии и конфессии. Но тогда, у прохладного фонтана в мечети, мы были просто детьми, которых объединяла одна общая жажда.

Глава 3. Двор

Мой двор — это было особенное место. Располагался он в черте скопления пятиэтажных панельных домов Кара-Камыша. За нашим домом друг за другом выстроились здания под номерами 9, 8, 7 и 6 — все они имели всего по пять подъездов. Наш дом и эти пятиэтажки объединялись общей пацанской юношеской договорённостью о беспрепятственном нахождении в чужих дворах. А вот за дома под номерами 10 и 12 мы никогда не заходили — там начинались узбекские дворы, чужая территория. Чтобы пересечь улицу узбекского квартала, нам приходилось передвигаться короткими перебежками: сначала в один подъезд, потом в другой, внимательно осматриваясь на наличие скрытой угрозы, и только затем двигаться дальше.

Если ты шёл через чужой двор один, тебя могли изрядно избить до глубоких синяков. Самое интересное, что нападали они исключительно толпой. Если на пути встречались всего два-три местных парня, они могли не рискнуть пойти в атаку, не рассчитав силы. Но вот толпой — это для них было нормально. В такие моменты спасали только быстрые ноги. В нашем же собственном дворе действовало строгое, нерушимое правило: все выяснения отношений происходили только один на один и строго до первой крови. Иногда, конечно, мы целенаправленно и организованно заходили в соседний двор с целью проведения «карательной операции», но в целом жили так, что старались лишний раз друг друга не трогать.

Вечера на улице у нас были по-южному тёмными. Летом уже в восемь часов сгущался плотный мрак, зато светало очень рано. На небе практически никогда не было облаков, а если они и появлялись, то плыли очень высоко и далеко. Звёзды казались такими маленькими, что сквозь них с трудом можно было разглядеть бледную полосу Млечного Пути. В течение дня по нескольку раз с территории соседнего старого кладбища на всю улицу через громкоговорители раздавались монотонные молитвы. Но со временем я перестал обращать на них внимание: постоянное повторение одного и того же притупляет восприятие, вызывая привычку.

В нашем дворе росли кислые яблони, плоды которых мы использовали как снаряды для метания, а также персики, вишня и черешня. А ещё рос маленький дуб, на ветвях которого жил огромный зелёный богомол. В период дождей мы всем двором босиком выбегали на улицу, наслаждаясь тёплыми каплями, промокая до нитки и запуская по глубоким лужам хрупкие кораблики из старых газет. Из игр мы обожали лянгу и кости, которые ласково называли маслами или ашичками. Ещё запускали воздушного змея, сделанного своими руками из сухого камыша и плотной магазинной обёрточной бумаги из-под большого бруска сливочного масла. Мы привязывали к нитке свои заветные пожелания и отправляли их прямо в небо.

Дворовые игры были весёлыми и активными. В подвале одного из домов мы устроили свой секретный штаб. Сносили туда ворованные из местных магазинов продукты и честно делили их поровну. На крышах домов у нас были оборудованы наблюдательные пункты — мы бесстрашно обходили кровли по самому периметру, совершенно не боясь высоты. Вечерами мы садились на край, пили прохладный лимонад и молча смотрели на далёкий горизонт. Убегая от взрослых, мы ловко спускались с крыши на землю прямо по тонкой газовой трубе. Ни один взрослый повторить этот трюк не мог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.